

Два романа судьбы

Романс 2. Грустная сказка с неясным концом

Часть 5. Пока горит свеча

Если человек создан для тебя, предназначен тебе судьбой, то сколько бы он не убегал и не отходил от тебя, он все равно будет снова с тобой ...

Мы можем сами менять свою судьбу. Все зависит от решений, которые мы выбираем.
Мирослава
Снежина

Я в сотый раз опять начну сначала: пока не меркнет свет, пока горит свеча ...

Глава 1. В ожидании

Наташино письмо вместе с её срочным уходом в отпуск и отъездом из города оставило мне целый ряд вопросов, таких как:

- почему так срочно?
- куда она улетела?

- как связан её отъезд с тем самым письмом и связан ли?

Всю ближайшую неделю я ждал ответы на эти вопросы, надеясь, что любимая позвонит мне по междугородке на работу. Одновременно, не теряя даром времени и в конце недели мне удалось разыскать телефон отдела кадров комбината «Мagneзит» и даже переговорить с начальником отдела.

Оказалось, что для принятия решения о собеседовании от меня потребовалось направить по почте в отдел кадров выписку из трудовой книжки и копию диплома. В начале следующей недели я подготовил все эти бумаги, выслал их в Сатку на Магнезит заказным письмом и стал ждать результата. Понятно, что дома никто о моих действиях не знал и не догадывался. Между тем моя Валентина хоть и отмякла после истории с гостиницей, но по-прежнему со мной почти не разговаривала.

Таким образом настроение у меня с каждым днем все падало. Росла тревога за Наташу с этой непонятной поездкой, плюс неопределенность с Магнезитом, плюс натянутая атмосфера в семье. На десятый день её отъезда я не выдержал, позвонил Крылову и попросил зайти ко мне. Бывший агроном зашел в четыре часа дня.

- Здравствуй, Александр!

- Давно не заходил. Присаживайся!

- Спасибо! Что, переживаешь?

- Ну да. Непонятно ничего с поездкой Наташи.

- А что непонятного? Улетела она к родне в эту самую Фараоновку. Бабка у неё там осталась. Те цыгане «крутые» вскользь обронили, что стара совсем она стала. Как бы что не случилось с ней?

- Да, но меня тревожит та приписка в письме, где она хочет пусть себе, но доказать, что способна решить вопрос, как жить дальше?

- И ты боишься, что она надумает уехать туда к цыганам? В принципе, правильно боишься. Но чтобы на такое решиться, она должна, как минимум, посоветоваться с тобой. Она ведь тебя любит и понимает, что ты вряд ли последуешь за ней. Разве что у тебя не будет другого выхода. А чтоб такого не было - решай этот вопрос сам. Муж – это иголка, а жена – нитка. А не наоборот. Одну ошибку ты уже совершил – поддался своей жене и приехал сюда. Так здесь хотя бы Россия. А там чужая страна и совсем другие люди ... В общем кругом у тебя полная неопределенность пока.

- Это пока, Тимофеич! Я вчера отправил документы на рассмотрение для устройства на работу в Сатку в Челябинскую область. Если возьмут – сразу уговорю Наташу уехать туда и тут же на развод подам.

- Даже если возьмут тебя, нужно и для неё хоть что-нибудь подобрать по работе. Думай, не теряй время. Готовь все заранее.

На следующий день Крылов принес мне телеграмму от Наташи. Я схватил дрожащей рукой этот зеленый листочек и впился в его содержание:

- «Милый, прости за внезапный выезд! С бабушкой было плохо Я, в Молдове, город Сороки. Вчера бабушка умерла. Задержусь здесь еще на неделю. Люблю тебя! Твоя Наташа».

Слава богу! На душе отлегло. Но, с другой стороны я теперь стал считать дни до приезда Наташи. Кое-как, в муках ожидания заканчивалась для меня эта неделя. В пятницу утром позвонили сметчицы из Гражданпроекта:

- Александр Николаевич! Мы будем готовы отдать вам все выборки со смет в понедельник. В каком виде вам необходимы отчетные документы?

Ответ у меня уже был готов. Я заранее согласовал его с Дегтяревым.

- Девушки! Мне нужен сброшюрованный отчет по выделению из проектов привязки жилых домов Микрорайона стоимости инженерных сетей квартального значения (для двух и более домов), построенных с 01.1962 г. по 01.1982 г. с указанием номеров проектов привязки и номеров домов, а также итоговой стоимости выделенной из жилья коммуналки. В общем, нам нужно готовое приложение к письму в адрес министерства о необходимости перераспределения общей балансовой стоимости городского жилого и

коммунального фонда с подписями исполнителей и руководства, заверенными печатью института.

Сметчицы заверили меня, что отчет будет готов в понедельник после обеда. И я поспешил доложить об этом обоим своим шефам: и Дегтяреву и Пугачеву. После обеда мы втроем собрались у заместителя директора. Дегтярев сообщил нам, что звонил в министерство и просил принять нашего специалиста с письмом о перераспределения основных фондов и отчетом института, подтверждающим эту необходимость.

В министерстве ему еще раз подтвердили отсутствие необходимости какой бы то ни было корректировки планов по капитальному ремонту основных фондов и пообещали выбрать время и просто посмотреть этот наш отчет. Но, как долго они будут его смотреть не сообщили. Ничего не сказали и по поводу вызова специалиста.

- Значит так, - подвел итог Дегтярев. – принимаете во вторник в Гражданпроекте отчет, там же на месте с главным бухгалтером и начальником ОТиЗа его проверяете, рассчитываетесь с исполнителями и везете отчет к нам. Далее, мы еще раз его просматриваем, Пугачев подписывает, я утверждаю и отправляем отчет с письмом в министерство. Письмо пишем на имя Казанца с просьбой перераспределить фонды и пересмотреть плановые задания по жилью и коммуналке на 1982 год. Отправляем отчет нарочным. Повезешь и передашь его ты, Александр.

Пугачев! Сделай сегодня же еще один запрос в министерство на вызов сопровождающего с документами по корректировке стоимости основных фондов. Ждем вызова неделю, за это время еще раз проверяем отчет. Не придет вызов, через неделю поедешь без вызова, «партизаном». Если повезет и сможешь убедить финансовое управление рассмотреть наши документы в самое ближайшее время, останешься там, пока не вызовут к министру. Жилье временно снимешь, если не в гостинице, то у любого частного лица. Деньгами обеспечен будешь. К министру пригласят, не бойся, Казанец мужик нормальный, не съест. На вопросы его отвечай спокойно, уверенно. Их будет два-три, не больше. В общем готовь документы и собирайся в Москву.

Глава 2. Последняя встреча.

В понедельник, наконец, приехала Наташа. Она забежала ко мне в кабинет на минутку утром, вся сияющая, как прекрасная роза. Поцеловала меня, сообщив, что будет ждать меня в 310 номере на час раньше, в 15:00 и что ей нужно готовиться к завтрашней поездке в институт и убежала к своей подруге в бухгалтерию выписывать деньги сметчицам.

И вот, мы вместе, после трехнедельной разлуки и никак не можем насмотреться и оторваться друг от друга.

- Господи! – шептала она словно в бреду, - я так ждала этого дня. Ты веришь? Я каждый вечер, пытаюсь заснуть, представляла себе нас вместе. Мне и сейчас кажется, что наша встреча с тобой сегодня – это чудесный сон – радостный, милый, долгожданный.

- Да, родная! Я тоже, как во сне и не хочу просыпаться. Какое же это счастье – быть возле тебя, чувствовать, что ты рядом, дышать тобою!

- Значит нужно сделать все для того, чтобы мы больше никогда не расставались. Я к этому готова, любимый мой! Готова прямо сейчас. А ты? Ты готов к этому?

Тут я почувствовал, что наши любовные признания готовы перейти в более практическое русло. Я знал, что это произойдет, боялся этого, хотя и пытался готовиться к этому повороту. Боялся, так как был не готов к тому, к чему она была давно готова.

Она задала этот вопрос, а я молчал. Она поняла это по-своему.

- Я тебя понимаю. И мне предстоит развод. И к нему нужно относиться, как к необходимой для свободы процедуре. Её нужно только пережить, настроиться на эту необходимость и пережить.

- А ты говоришь, что готова прямо сейчас?

- Сашенька, развод – это не главное! Помнишь, я в записке к тебе писала, что постараюсь справиться с главной проблемой. Это вопрос, где и как мы будем жить. Так вот, любимый! У нас с тобой теперь есть собственный дом, в маленьком, но очень уютном молдавском

городке Сороки. Дом не большой, но двухэтажный и очень красивый. Я взяла с собой фотографии и покажу тебе их чуть позже. Это бабушкин дом, а я единственная его наследница. И я успела вступить в право его наследования. Теперь о работе, милый и прежде всего о твоей, потому как, о моей практически можно не говорить.

Талгат и Зара, оказывается, тоже теперь живут в Сороки. У Зары месяц назад умер старший брат. Детей у него не было и жену он схоронил давно. Зато покойный Рамир чуть ли не до последнего дня занимался бизнесом. У него осталась в собственности небольшая строительная фирма. В этой фирме есть два автокрана, экскаватор, бульдозер и три самосвала. Теперь это все в собственности у Зарины, как и дом покойного брата, где они теперь живут с Талгатом. Так что Зара с удовольствием передаст тебе бразды правления этой фирмой.

Вот это все и есть то главное, что даст возможность нам жить и трудиться в свое удовольствие, а не под властью Дегтяревых и Пугачевых. А наши разводы – это лишь мелкие препятствия, через которые можно легко перешагнуть.

Я молчал. А что оставалось мне делать? Мой запрос в Сатку на «Мagneзит» выглядел по сравнению с Наташиным предложением просто жалкой попыткой оправдать мою беспомощность. У меня лишь хватило духа спросить её:

- А у тебя, как там с работой будет?

- Вообще Талгат сейчас занят большой общественной работой. В мае прошлого года в Западной Германии состоялся Третий Всемирный конгресс цыган, на котором были 600 делегатов и наблюдателей из 28 разных стран. Участники поддержали призыв к признанию цыган национальным меньшинством индийского происхождения. Пораймос – геноцид цыган фашистской Германией и Европейскими странами – её союзниками, был главной темой обсуждения. В настоящее время Талгат Зуралович готовит дополнительные материалы для официального признания Западной Германией геноцида против цыган. И ему очень нужен помощник. И он надеется, что я не откажу ему в этой, его крайне важной для цыган всего мира работе.

Может моей любимой в тот момент не стоило говорить о её будущей столь значимой для всей их мировой цыганской общины работе. И у меня опять, как два месяца назад, возникло чувство недоступности и даже что-то вроде отчужденности перед ней. Я вновь остро осознал, что просто не стою её и никогда не смогу быть по настоящему родным и близким для неё человеком.

Наташа продолжила говорить, хотя я чувствовал, что её слова с трудом пробиваются через мои мысли, как сквозь стену отчуждения. До меня долетали лишь её отдельные фразы.

- Сашеька, милый мой! Я понимаю, что и ты ищешь какие-то варианты, нашей общей жизни, но, думаю, что так быстро все наладить, как в моем предложении врядли у тебя получится. Ведь такая возможность с жильем и работой – это просто чудо и не воспользоваться этим будет ударом и ощутимой потерей для нашей любви.

Я только и смог сказать ей в ответ на это:

- Милая! Мне нужно все это переварить и может быть как-то внутренне подстроить под себя. Пойми, я ведь мужчина и такой подарок судьбы даже от любимой женщины оставит хоть маленький, но шрам на самолюбии любого парня.

- Ты не хочешь или боишься быть мне обязанным? Но ведь для двоих любящих сердец судьба делает подарки, абсолютно равные по значимости каждому из них. И вообще, не зря говорят, что если фортуна гонится за нами, нужно позволить ей догнать нас ...

- Наверное, ты права. Но мне нужно время, чтоб хотя бы уладить дела семейные. Я имею в виду и сам развод, и обеспечение контактов дочери с моими родителями.

- Саша, родной мой! Я все понимаю и верю, что наша любовь победит все объективные и субъективные препятствия. Сама же я на развод подам заявление прямо сегодня. Мое заявление на увольнение без отработки Пугачев мне подписал час назад. Я обещала Талгату, что вернусь к ним через три дня. Значит, завтра я вместе с сыном улетаю из Орска на Москву самолетом.

- Как? Завтра уже улетаешь? Господи, ты же меня просто убила! Да я не успел еще разглядеть тебя, как следует!

- Да, время не ждет и мне нужно уехать ради большого дела. Но я буду ждать тебя каждый день и каждый день буду посылать тебе телеграммы с одним и тем же словом: «Жду!».

- Милая! И куда же ты будешь отправлять эти телеграммы?

- На дом к Тимофеичу. Другого варианта нет. Я с ним уже говорила на эту тему. Он согласился передавать их тебе каждый день.

Ну, а будет совсем не в моготу – жди мой вызов на междугородку. На работу тебе звонить не буду. Не хочу, чтобы кто-либо нас слышал.

Конечно, я понимаю, все известия, что я привезла с собой, стали для тебя полной неожиданностью. Но ведь главное – всё это добрые вести. Они несут для нас те самые перемены в жизни, которые сейчас так нужны для нашего счастья. Родной мой, прими же их, как должное! Думаю, что месяца тебе вполне хватит настроиться и решить все проблемы ...

Я все понимал. Но чем правильнее казалось это выстроенное без моего участие наше будущее, тем почему-то меньше мне хотелось его принять. И я как мог, так и «тянул резину».

- Любимая, завтра мы едем без тебя с главбухом рассчитывать со сметчиками. А через неделю меня отправляют с документами по корректировке планов на этот год в Москву в министерство. Сколько продлится командировка – не знаю.

- Ну хорошо! Пусть будет два месяца. Но ни днем больше. Или буду считать, что нашу любовь ты забыл и что я тебе больше не нужна. Простимся прямо сегодня. Самолет вылетает завтра в 12:00 Москвы. Не люблю проводы. Обойдемся без них!

Глава 3. Снова один

На следующий день за час до поездки с главбухом к сметчикам я прибыл в гостиницу один. Крылов встретил меня в своем маленьком кабинете. Он знал, что Наташа должна была улететь рано утром сегодня:

- Привет! Проводил свою беглянку?

- Нет, отказалась от проводов.

- Её мать тоже говорила, что долгие проводы – лишние слёзы. Время – пятый час ...

- Самолет час назад вылетел.

- Ну давай тогда за хороший полет и мягкую посадку!

Он достал из своего сейфа бутылку Арарата и две стопки. Налил их полные.

- Закуси, извини, нет!

Крылов цедил свою рюмку, а я хватанул её одним махом. Крепость коньяка почти не ощутил. В голове зашумело. И тут я почувствовал, точнее говоря, ощутил всем, чем только мог, что остался один. Причем один и непонятно на сколько дней, недель, месяцев? А может – лет? Сердце сдавила невыносимо жгучая тоска. И все, что вчера казалось мне неодолимым препятствием и мешало принять предложенное Наташей счастье, стало вдруг такой нелепостью и даже глупостью и ограниченностью моего запутавшегося сознания, что я просто растерялся, не зная с чего начать те самые перемены в жизни, что должны были бы вернуть мне мою Наташу КАК МОЖНО БЫСТРЕЕ!

Крылов закурил. А я заново переваривал всю вчерашнюю встречу и думал о том, что же мне мешает бросить все на свете и УМЧАТЬСЯ К СВОЕЙ ЛЮБИМОЙ ПУСТЬ ДАЖЕ В ЭТУ ЧЕРТОВУ МОЛДАВИЮ?

Во-первых, я не могу бросить документы для корректировки планов по ЖКУ, а значит придется самому их везти в Москву. Увезти их, конечно, может и кто другой. Но здесь нужно не просто их передать в министерство, нужно добиться их рассмотрения. И тут, главное, что кроме меня никто другой, не будет настолько заинтересован в том, чтобы их рассмотрели. Потому, как эти бумаги – лишь моё детище, которое без меня просто обречено ...

Во-вторых, нужно решать с разводом. А это, прежде всего и время, и вопросы отношения с дочерью, прежде всего родителей с внучкой. Да еще ведь надо будет после всех переговоров с Валентиной где-то одному прожить, пока не назначат слушание по бракоразводному процессу.

Да, пожалуй, начать надо со второго вопроса и быстрее решить проблему с раздельным от жены проживанием. Я посмотрел на Крылова:

- Слушай, Тимофеич! Как думаешь, Пугачев мне разрешит пожить временно у тебя в гостинице, пока не пройдет вся процедура с разводом?

- Что? Твердо решил начать развод?

- Да, пора уже начинать ...

- Думаю, что Пугачев против не будет. А номер 310 всегда готов принять тебя. Места там тебе одному вполне будет достаточно?

- Да, хватит вполне! Завтра переговорю с Пугачевым и перееду. Вещей у меня не много ... И на всякий случай взял ключ, любезно предложенный агрономом и сунул себе в карман.

В это время зазвонил телефон. Звонил Юрка от администратора. Доложил, что пообедал и что пора ехать в институт за документами к сметчикам. - Ладно, Тимофеич! У меня время вышло. Пора ехать в Гражданпроект. Бывай!

Я вышел от Крылова. Машина стояла возле гостиницы.

В тот день мы удачно съездили в Гражданпроект, получили от сметчиц и сброшюрованный итоговый отчет по выборке из смет на дома скрытые коммунальные сети, а также сами выборки из смет по каждому дому с коммуналкой. Роза Айдаровна выдала каждой из четырех сметчиц почти по 2000 рублей. Конечно же все девушки-сметчицы были страшно рады. Ведь за пару месяцев работы они получили годичную заработную плату.

Ковалеву еще месяц назад наши специалисты пробурили водозаборную скважину. В общем все были довольны, включая Дегтярева, который объявил, что через десять – двенадцать дней, сразу после международного женского праздника мне нужно будет выехать в Москву. А за эти десять дней я должен ознакомиться со всеми выборками по каждому дому, включая и сам итоговый отчет и подготовить письмо на корректировку основных фондов и планов по их капитальному ремонту. От всех остальных дел они с Пугачевым на это время меня практически освободили.

Разлука с Наташей в этот раз просто камнем легла мне на сердце. Я ни о чем не мог думать, кроме как о том, что должен приступить вновь к переменам в своей жизни. До пятницы я мужественно терпел, пытался работать в своем обычном режиме и дома все еще делал вид, что ничего не произошло.

Однако работа на ум не шла, и я часто ловил себя на мысли, что не слушаю вопросы подчиненных, а порой даже не отвечаю на них. А дома старался вообще ни с женой, ни с её родителями не разговаривать вовсе. Больше времени был возле дочери, интересовался её маленькими детскими проблемами, болтал с ней о всяких пустяках, тем более, что Катюшка была очень довольна моим возросшим к ней вниманием.

В четверг перед обедом зашел Крылов и принес мне первую телеграмму от Наташи. И хотя там было всего одно слово, я аккуратно свернул этот листок и убрал в левый внутренний карман костюма. Целый день мне казалось, что из этого кармана к моему сердцу струится лучик тепла и надежды на скорую встречу.

Однако следующий день перечеркнул все доброе и светлое, что мне удалось сохранить к тому времени. Я надолго запомнил ту черную пятницу, ставшую началом бесконечной темной полосы в наших отношениях с Наташей.

В тот самый день словно что-то сломалось во мне. Скорее всего подействовала неопределенность разлуки с Наташей по времени. Весь день я мучился, прикидывал, когда и как, наконец, я смогу освободиться от всех своих оков и умчаться к любимой пусть даже на край света.

Глава 4. Обида

Это был банный день и вечером после первого захода в сауну в ответ на мою просьбу Пугачев разрешил мне переехать в гостиницу тоже на неопределенный срок. В тот раз в бане мы были с ним лишь вдвоем. У Дегтярева болела спина, приглашенные не пришли. И мы вдвоем с шефом здорово напились в тот раз. А может Пугачев просто надумал spoить меня тогда. Потом, перед самым уходом, дал мне один совет:

- Ты если надумал менять свое семейное положение – не тяни резину. Решай этот вопрос сразу же после поездки в Москву. Намного хуже будет, если сорвешься, а такая опасность, в силу отсутствия за тобой здесь контроля со стороны родственников и судя по складу твоего характера, у тебя вполне возможна. Тогда развод будет по инициативе жены в силу аморального поведения. В этом случае подключится партком, и ни я, ни Дегтярев ничем помочь тебе уже не сможем.

Так и произошло. Домой я в тот вечер чуть припелся. Хорошо хоть тесть и теща задержались где-то в гостях.

- Да-а ! - отметила мой приход Валентина. – Ну и видок! Смотреть противно. Что только в тебе хорошего бабы на работе находят. Тут я на днях эту твою коллегу встретила в магазине случайно. Радостной вестью поделилась со мной - сказала, что уезжает насовсем чуть ли не из страны. Так она у меня еще что-то вроде прощения просила, что попользовалась тобой. Пользоваться то у тебя давно не чем уже. То небольшое, что потерять не успел, пропьешь теперь с горя по ней ...

Я хоть и пьяный был, но просто опешил. - Какое прощение? Зачем? Неужели, чтобы наладить мой брак? Она что же - засомневалась во мне?

Потом от обиды на неё долго не мог уснуть, все ворочался и думал, думал ... В конце концов рассудил, что жена видно что-то не так поняла. И планы с разводом решил не рушить. Совместная жизнь все равно треснула и здорово! Не склеишь ...

В субботу на следующий день я с больной головой, но все же собрался осуществлять задуманное. Утром наспех перекусив, оделся и решительно двинулся к ЗАГСУ. Но вместо того, чтобы зайти и написать заявление, я лишь немного потоптался у входа, задумавшись о том, что без суда получить свидетельство о разводе при наличии ребенка вряд ли получится. А потому, решил вначале посоветоваться с юристом. Находившаяся неподалеку юридическая консультация в тот день не работала. В десяти минутах ходьбы от неё была наша гостиница и я решил заглянуть, посоветоваться с Крыловым.

Однако его кабинет оказался закрыт, а занимавшаяся в соседнем номере уборкой горничная подсказала мне, что Крылов еще вчера вечером приболел и передал, что в выходные будет дома отлеживаться.

Домой идти не хотелось. И я поднялся на 3-й этаж. В номере все напомнило мне о последней встрече с Наташей. Я разделся и прилег на кровать. Потом стал вспоминать чуть не поминутно весь наш прощальный день. И тут снова навалилась тоска и опять мои сомнения теперь уже по поводу её извинений, показались мне просто идиотскими. Я вспомнил, как мы лежали, прижавшись друг к другу. Она склонилась над моим лицом и пальчиком считала морщинки у меня под глазами:

- Когда мы будем жить вместе, - шептала она мне в ушко, - я их все у тебя уберу. Меня мама учила, как их разглаживать ...

- А это скоро будет? – спрашивал я.

- Мне мама часто снится, - отвечала Наташа. – Тот мир, куда она так легко залетала при жизни, мне пока не доступен. И я не знаю ответа на этот вопрос. Пока не знаю ... Мама мне вчера снилась. Я хотела спросить её об этом. Но побоялась. Теперь, раз и ты хочешь это знать, обязательно спрошу, как увижу её в следующий раз.

Тут я вдруг почувствовал комок в горле. Особенно, когда в сердце стала карабкаться мысль о том, что прежде чем гадать, когда же мы будем на всю жизнь вместе, нужно твердо знать, смогу ли я вообще в ближайшее время увидеть мою любимую? Глаза увлажнились ...

- И пусть! – шептал я сам себе вслух. – Черт с ними, пусть текут! Слезы - не признак

слабости. Ведь не зря говорят, что лишь сильные умеют плакать в компании с самим собой. Я ведь руки не опустил еще ... Все равно решу все проблемы и буду с Наташей. Не зря она в это верит. А значит и верит в меня!

На этой сладкой мысли я вроде, как и успокоился. Напряжение немного отступило, и я задремал.

Проспав почти четыре часа, проснулся в шестом часу дня! Сказалась бессонная ночь. Я вышел из гостиницы и твердо направился к ЗАГСУ. Но была суббота, оказывается он закрылся сегодня еще в два часа дня. В воскресенье ЗАГС не работал совсем.

Продуктовый магазин был рядом. Рядом был и дом Пугачева младшего. И я завернул к Витьке, прихватив в магазине бутылку Посольской водки.

В тот вечер я подробно рассказал другу о всех моих проблемах. Изрядно окосевший Витька тогда сильно возмутился её поступком:

- Променяла она тебя и свою любовь на эту самую, чертову политику! Вот край ей надо было все бросить, уехать и остаться там жить? Правильнее было бы вернуться, дожидаться пока ты не решишь все свои вопросы и ехать вместе, вдвоем! Ну кто её гнал, вот скажи мне, а?

В Наташкины извинения он не поверил.

- Это твоя Валентина цену себе набивает. Ну, встретились они случайно, поздоровались ... Ты же их сам на Новый год знакомил. Зачем она сказала, что уезжает навсегда? Наверное, намекнула твоей, что и тебя следом уведет. А извиняться ... не-е! Наташка – она гордая ...

Я соглашался и кивал головой в ответ и в тот вечер до того «накивался», что чуть добрел до дома, несколько раз падая по дороге. Ладно, хоть на снег ...

В воскресенье напился у Валькиного двоюродного брата. Потом начались рабочие дни, где я всего лишь числился на работе, каждый день тупо просматривая полученные отчеты сметчиков, борясь с головной болью и отрываясь за бутылкой по вечерам то в кафе, то в ресторане, то у каких-то невесть откуда появившихся приятелей. Крылов продолжал приносить мне Наташины телеграммы. Я их складывал в свой стол с рабочими бумагами.

В конце недели Валентина сказала мне:

- Все, хватит! Мне надоело! Не бросишь пить за выходные в понедельник подаю заявление на развод. Посмотри, на кого ты стал похож? Про твои супружеские обязанности я вообще молчу. В общем, езжай к своей маме, и пусть она тебя сама воспитывает. Мое терпение лопнуло ...

Выходные промелькнули в пьяном угаре. В понедельник жена сказала, что отнесла заявление в суд ...

Во вторник меня вызвал Дегтярев и объявил, что после мартовских праздников не позднее 10 марта я должен выехать в Москву, лучше поездом. И что в пятницу 12 марта я должен быть ровно в 09:00 в отделе кадров министерства. Занять там очередь у других «партизан» на прием к начальнику отдела кадров (12 кабинет), а дальше - он решит, что со мной делать, оставить в Москве для разбирательства с отчетом или оставить лишь сам отчет, а меня вернуть домой. Пропуском в министерство будет выписанное у нас командировочное удостоверение. Команду выдать тебе командировочные я уже дал в вашу бухгалтерию. Можешь их получить вместе с удостоверением хоть завтра.

Глава 5. В Москве

Эта поездка и спасла меня тогда. За двое суток в поезде я смог перебороть похмелье и тягу к вину. Деваться было не куда. Впереди маячило министерство черной металлургии.

Минчермет находился в одном здании с министерством строительных материалов. И если все коридоры командного пункта отечественной металлургии утопали в ковровых дорожках, красивых картинах и позолоченной отделке, то министерство строительных материалов, через которое почему-то нужно было идти в отдел кадров минчермета, имело весьма удручающий вид: обшарпанные стены с осыпавшейся штукатуркой,

непонятного цвета паркет, постоянно «игравший» под ногами, слабое освещение желтыми лампами в дешевых светильниках.

В приемной отдела кадров сидело человек пятнадцать народу. Это были все те, кто приехали сюда без вызова. Их и называли – партизаны. Я занял очередь. Впереди меня сидевшие переговаривались между собой:

- Не-е! - Уверял один другого. - Без вызова бесполезно. Даже разговаривать не будут.

- Да, меня месяц назад здесь сразу завернули! В этот раз директору говорю – ну что толку, опять выпинут! А он мне – а вдруг в это раз повезет? У нас, говорит, вроде как договоренность была на счет поездки.

Тут из кабинета начальника отдела кадров вышел очередной «партизан» с поникшей головой. Повернувшись к ожидавшим своей участи собратьям по несчастью сказал:

- Второй раз поперли меня домой. Сказали – третьего раза не будет. Фамилию мою теперь всем своим вахтерам передали.

Седой мужик устало махнул рукой и вышел из приемной. Сидевший рядом со мной солидный на вид проситель произнес:

- Ну, господа, благослови! Моя очередь – и неуверенно шагнул в кабинет. Буквально через пять минут его вытолкнула из кабинета решительная секретарша.

- А я что? – бормотал, пятась и пытаюсь задержаться, интеллигентного вида «партизан».

– Приеду опять, коли пошлют. Мы люди подневольные ...

Приемная потихоньку пустела. Абсолютно все выходили с унылым видом. Последний, передо мной, вышел и сказал мне.

- Погоди, просили подождать, пока не позовут. Похоже чай пить собрались.

Я ждал почти полчаса. Дверь приоткрылась. Выглянул человек в костюме-тройка и произнес:

- Э-э! Да тут всего один командировочный остался! Знал бы, так еще б полчаса назад отпустил бы парня.

- А я не тороплюсь! – отозвался я. – Могу еще часик-два посидеть!

- Что настроение хорошее? – спросил меня этот служащий. – Сейчас еще поднимем!

Давай, проходи! – вернулся в кабинет и сел в свое кресло. Оказалось, это был сам начальник отдела кадров – Сергей Александрович! По бокам от него сидели два помощника.

Он подождал пока я не подойду к столу и не поднимая головы от бумаг спросил:

- Вызов есть?

- Нет! – ответил я.

- Зачем тогда ехал сюда? Государственные деньги тратил на билеты, еду покупал. Вот вернешься домой, я лично команду дам, чтоб из зарплаты твоего начальника, что послал тебя сюда без вызова, все твои расходы удержали.

- У меня вопрос очень важный!

- Да что ты говоришь? И что же это за вопрос такой?

- У нас из-за ошибки проектировщиков больше двадцати лет коммуналку на жилье относили. В итоге все двадцать лет мы план по ремонту жилья не тянем. Премий у людей нет. Зарплата - по минималке! Люди уходят, скоро работать будет некому!

- Ага! Так тебя послали план корректировать? Ну ты прямо геройский парень!

Он посмотрел на своих помощников. Все трое дружно захохотали.

- Просмеявшись, этот Сергей Александрович спросил:

- Ты откуда приехал к нам? С какого предприятия?

- С ОХМК!

- А кто конкретно направил? Сам директор, что ли?

- Нет, заместитель по быту.

- Он сколько лет у вас в заместителях? Год, два ...?

- Да нет, лет пять, кажется!

- А он что же за пять лет приказ № от совсем забыл. Там ведь черным по белому написано. Прием специалистов предприятий министерством по вопросам корректировки

плановых заданий разрешается строго по вызову первого заместителя министра. Вы что там у себя совсем с ума посходили?

Я показал этому чинуше свою толстенную папку с выборками из проектов и смет и сказал?

- Здесь в это папке труд многих людей. Они верили и надеялись, что не зря работают. Часто ночами сидели, так сказать, в свободное от работы время. Что я им скажу? Как в глаза им смотреть буду?

Этот Сергей Александрович откинулся в кресле на спинку:

- Ну ты и наглец! А ты знаешь, что нашим специалистам, чтобы только просто взглянуть на твою папку без просмотра её содержимого официальное задание получить нужно хотя бы от нашего главного экономиста. А чтобы копаться в твоей папке, задание должен выдать, как минимум, заместитель министра. Ты меня, дружок и расстроил, и рассмешил одновременно. Если все, как ты, начнут сюда ездить, во что мы тогда министерство превратим?

- Вот что, партизан! Раз уж ты меня рассмешил, дам я тебе один шанс на миллион ...

Он снял трубку с одного из телефонов и набрал чей-то короткий номер:

- Света! Привет! Я тут хочу человечка одного к тебе прислать. С ним папка с бумагами ... Ага, большая и толстая, килограмма на три ... Да понимаю я, что у тебя таких папок на стеллажах ... Видел, видел я твою стремянку 3 метра высотой ... Ладно, сама ему скажешь. Пусть хоть посмотрит на твою работу!

... За то, что рассмешил он меня. В общем я его посылаю к тебе, а ты можешь его послать куда угодно... Да, на ж/д вокзал или в Домодедово... Мне все равно! Ладно, пока! Сергей Александрович взял листок бумаги, что-то черкнул на нем, повернулся ко мне и отдал мне эту записку со словами:

- Здесь адрес, фамилия, имя и отчество. Должность её тебе знать совсем не обязательно. Доберешься на метро. Обед у неё через полтора часа. Давай быстрее и молись своей счастливой звезде, чтобы она хотя бы на тебя взглянула. Дай мне твою командировку. Я отмечу. Потом зайдешь у секретаря заберешь. Охраннику в том здании назовешь свою фамилию. Пропустит.

Я взял это листок. Там был написан адрес, станция метро и еще два слова – Светлана Алексеевна.

То здание было ничуть не меньше самого министерства. Чуть в стороне от выхода из метро на полпути к зданию находился одноэтажный павильон - «Цветы». Я зашел и купил 5 самых красивых роз с какой-то такой же дорогой елочкой.

Охранник пропустил меня сразу, как только я назвал свою фамилию, сказав, что Светлана Алексеевна сейчас не у себя в кабинете, а на первом этаже в архиве и велела гостя к ней проводить.

Он подвел меня к кабинету с табличкой «архив», кивнул на вывеску головой и ушел обратно.

Я открыл дверь и увидел огромное помещение метров десять-двенадцать длиной и метров шесть шириной. По всюду вдоль стен тянулись заполненные стеллажи с такими же как у меня толстенными папками.

Откуда-то из-за папок послышался голос:

- Молодой человек, идите сюда, помогите мне!

Я не сразу увидел её. Это была еще молодая, довольно стройная женщина или девушка лет 40, может чуть больше. Но стояла она на самой верхней ступеньке высоченной стремянки. На таких у нас в «Стальконструкции», бывало, работали верхолазы-сварщики. У Светланы Алексеевны в руках были целых четыре папки. Она попыталась мне их подать. Но тут центр тяжести стремянки может именно за счет этих папок сместился, и лестница вместе с женщиной поплыла прямо на меня. Я едва ухитрился положить цветы на ближайшее свободное место на стеллаже, как пришлось принять на себя удар этой довольно тяжелой лестницы, но женщину, взвизгившую от страха, все же успел подхватить на руки. А папки, конечно же поймать не успел. Их содержимое разлетелось

во все стороны. Стремянка с грохотом рухнула на пол. Девушка судорожно ухватилась за воротник моей теплой куртки. Чуть отдышалась, она сползла у меня с рук на бетонный пол прямо у лежавшей рядом, сломавшейся от удара при падении лестницы. Я, увидев, что с ней все в порядке, кинулся собирать разбросанные по всему полу выпавшие из папок листки бумаг.

Светлана рукой остановила меня:

- Я подберу и разложу все сама. Давай-ка присядем. Оказалось, что рядом находился стол с двумя стульями. Мы присели. Она представилась:

- Я Светлана Алексеевна, можно Светлана, а тебя, как величать, мой милый спаситель? Я тоже представился. Она показала пальцем на мою папку и сказала:

- Я тут займусь твоими цветочками, а ты пока рассказывай, что там вас привело к нам сюда.

Пока она ставила цветы в вазу и собирала рассыпавшиеся из папок бумаги, я успел ей все подробно рассказать.

- Да, повезло тебе, Александр, что я оказалась такой неуклюжей. А мне стало быть не очень, потому что ко всем этим четырем ста папкам мне добавилась еще и твоя.

Придется в порядке исключения и, не во вред моей основной работе, заняться проверкой всех ваших документов. Ну, это займет не больше десяти дней. Я, конечно, постараюсь и побыстрее, а ты пока поближе познакомишься с нашей столицей ...

На столе у неё стоял один кнопочный телефонный аппарат и три бездисковых. Она сняла трубку с кнопочного и нажала одну из кнопок. Потом, неожиданно для меня, властным голосом произнесла:

- Сережа! Посылаю к тебе парня назад. Примешь и поселишь его у нас. Да в нашей двухкомнатной в Щелково. Слушай, давай без лишних вопросов ... Да, я так решила ... Все подготовлю сама ... Да и сама письмо для них в приемную отвезу к главному. А вот запишет парня на прием к министру пусть твоя кобра... Почему? Потому... долго объяснять ... Я сказала - значит решишь! Все! Мне некогда! Пока!

Потом посмотрела на меня и сказала:

А розы – красивые! Спасибо! Езжай к Сергею, оформляйся и отдыхай. Может и не увидимся, если твои выписки в порядке будут. На руках меня давно никто не держал ... Ладно беги, давай! Пока!

В этот раз, когда я зашел в кабинет начальника отдела кадров министерства, Сергей Александрович уже не смеялся. Он подал мне еще одну записку и не скрывая свое недовольство произнес:

- Не знаю, какую звезду с неба ты стащил для Светланы Алексеевны, разве что, типа сверхновой. Не помню случая, чтобы она вот так просто взяла и решила помочь кому-то ...

- Я ей розы купил, - робко вставил я.

- Да она эти цветы терпеть не может ... ладно, там адрес... ключи возьмешь в 9-й квартире у коменданта в обмен на паспорт. В дальнейшем всё, что будет нужно тебе сообщат по телефону. Командировка твоя будет у секретаря. Давай, пыли, пехота ...

Десять дней этого отпуска пронеслись, как сон. Я таскался по Москве, по всем популярным местам. Не забыл и побывать в общежитии от университета Патриса Лумумбы, где жил со стройотрядом из своего института в 1972 году, когда мы были на ударной стройке МИСиСа.

Вспомнил лихие студенческие годы, как мы не давали спать по вечерам песнями под гитару вьетнамцам и корейцам жившими под нами и над нами в этой общаге. В общем на десятый день мне позвонили и велели прибыть в минчермет завтра к 10:00 на прием к самому министру.

В 09-45 я был в приемной. Секретарь министра осмотрела меня и строго-настрого наказала. У министра каждая минута на счету. Будут вопросы – отвечать министру коротко и ясно. Время вашей аудиенции не более 2-х минут.

Иван Павлович Казанец встретил меня сидя в кресле словами:

- Проходи поближе. Ты ведь с ОХМК?
 - Да с комбината.
 - Как там Виктор Григорьевич Некрасов, не болеет?
 - Работает, все нормально.
 - А у вас в коммунальном хозяйстве, кажется Дегтярев, такой?
 - Да, Василий Петрович.
 - Я немного помню его, пару лет назад был он у меня ... Документы твои наш главный экономист лично проверяла.
- Он открыл лежащую перед ним красную папку, и я увидел, как он достал оттуда наше письмо с просьбой по корректировке плана. Вынул из кармана авторучку с золотым пером и через весь лист бумаги по диагонали крупными буквами написал:
- «Удовлетворить!» и расписался. Потом подал мне письмо и сказал:
 - Оставишь в приемной. Помощь с билетами домой понадобится, обратишься к секретарю. Поезжай ...

Глава 5. Новая дорога длиной в полжизни

Помощь с билетами не понадобилась. Мне дали нижнее место в купе. Я занял свое место первым. Потом подошел парень с чемоданчиком, может на год или два постарше меня. За ним пришла женщина с двумя небольшими сумками лет пятидесяти. До отправки было еще минут пятнадцать-двадцать.

Все эти дни я не забывал о Наташе. Думал о ней и удивлялся сам себе: как же я смог прожить без нее почти целый месяц. Правда тоска, что грызла меня сразу после её отъезда, куда-то отступила. Причем отступила, начиная чуть ли не с первого дня поездки в Москву. И тогда, я в том поезде впервые задумался о том, смогу ли вот так, через сколько-то дней, месяцев, лет забыть о ней совсем?

Меня отвлек шум в тамбуре вагона, чуть ли не грохот. Наша дверь в купе открылась, и к нам попыталась протиснуться молодая, стройная и очень милая девушка лет двадцати пяти-двадцати восьми. Протиснуться с двумя большими и видно очень тяжелыми рюкзаками, которые волоком тащила за собой ей так и не удалось. Бросив их в тамбуре, она робко зашла в купе, виновато взглянула на нас и назвала свое место. Оказалось, прямо надо мной. Я встал со своего сиденья и предложил ей поменяться местами. Она сразу же согласилась:

- Ой, спасибо вам большое. А то у меня там, - она показала на рюкзаки, - мясо. Это я домой везу. Там, больше двадцати килограммов, - сказала она чуть ли не с гордостью. Мы с парнем не без труда затащили эти рюкзаки из тамбура прямо под мое сиденье. Девушка с облегчением вздохнула и села рядом со мной.

- Я - Маша, а вы? – она посмотрела на нас.

Мы с парнем представились. Женщина промолчала, недовольно повела носом и отвернулась. Потом вышла из купе и направилась в сторону проводника. В это время поезд тронулся.

Минут десять мы стояли в тамбуре и ждали, пока девушка не переоденется. Тут подошла наша четвертая попутчица вместе с проводником.

Проводница обратилась к женщине:

- Да, я вас понимаю. У меня одно место свободное через два купе можете занимать. А вас девушка я попрошу скоропортящиеся продукты вынести из купе. За туалетом в конце вагона я открыла нижнее отделение. Там, как и на улице хоть и не сильный мороз, но все же минусовая температура. Выносите туда свои рюкзаки.

Мы перенесли и опустили туда оба рюкзака. А в купе уже стоял запах мяса и увы, далеко не первой свежести.

Женщина перебралась на новое место. В это время мой сосед завязал довольно активный разговор с девушкой. Маша действительно была очень хороша собой. Милое личико с озорным взглядом, стройная фигура и нежный голосок. Все это видимо не

ускользнуло от моего соседа, и он просто соловьем заливался, рассказывая девушке о себе. А рассказывать он видимо умел, так как Маша постоянно смеялась, слушая его болтовню.

Ближе к вечеру он до того разошелся, что достал из чемоданчика бутылку марочного вина, вареного цыпленка и банку кильки. Потом пригласил и меня присоединиться к их компании. Я отказался и остался стоять у окна в тамбуре, закрыв поплотнее им дверь в купе.

Мысли опять вернулись к моим проблемам. Развод скорее всего уже состоялся. То, что я пьянствовал две недели, знали многие, в том числе и на моей работе. Так что основание для удовлетворения заявления Валентины у суда были. Что ж, подумал я, - одной проблемой меньше. Как вернусь, сразу переселюсь в гостиницу. Потом дождусь, может быть выплатят премию за изменение планов по ремонту жилья и сразу уволюсь.

Я долго стоял и смотрел в окно, где все еще в белом снегу проносились последние полустанки Подмосковья. Потом потянулись леса попеременно с холмами и перелесками. Вот так и жизнь, глубокомысленно рассуждал я, несется куда-то, не зная куда, и что будет завтра, через месяц, год – никто не знает. Будем ли мы вместе с Наташей или наши пути навсегда разойдутся? Я поймал себя на мысли, что раньше мне все было ясно и такие вопросы никогда не лезли мне в голову.

Потом стало темнеть и за окном уже было ничего не разобрать. В это время за дверью в купе послышалась какая-то возня и женский голос:

- Отстань ... Лучше ляг и проспись ... Я тебе сказала, что пить не буду... Да, пошел ты! ...

Потом дверь открылась, и я увидел, что девушка пытается выйти из купе, а уже хорошо поддатый парень держит её за руку. На столике стояла почти пустая семисотграммовая бутылка вина. Я чуть отодвинул Машу в сторону, схватил парня за руку и резко крутнул ему кисть руки, которой он удерживал девушку. Парень со стоном отдернул свою руку от девушки.

Я помог Маше выйти из купе и с силой захлопнул за ней дверку. За дверкой было тихо. Значит успокоился, - подумал я, - слава богу! Не то пришлось бы его укладывать...

Маша встала рядом со мной и глядела в окно, за которым почти ничего видно не было. Потом стала рассказывать:

- Была у дядьки в гостях в Калуге. Обещал устроить на приборостроительный завод. А там уже почти всех набрали. Я токарь, но у меня стаж – всего два года после училища. Не взяли. Пыталась еще в два места устроиться – тоже не получилось. Еду домой в Оренбургскую область. Дядька на дорогу поросенка зарезал. Я говорю – тепло уже не довезу ведь. Больше двух суток в дороге. А он – довезешь и все. На вокзал в Москву привез на своих Жигулях. На поезд посадил ...

Что я теперь отцу скажу? Он ведь на брата рассчитывал. Родители в поселке живут под Кувандыком. А мы с дочерью не очень далеко от них – в Медногорске. Работы вообще нет никакой. Вот этот вот, Паша, пристал, как банный лист. Поехали со мной, говорит, я тебя на наш завод в Миньяре устрою. А сам – болтун, всю бутылку вылакал и лапаты пытался ... Муж, вот тоже ... Бросил меня с дочерью два года назад. А Иринке моей уже 10 лет было. Я за него в 16 лет замуж выскочила ...

Мы немного помолчали. Потом я спросил у неё.

- А ты на работу хочешь именно токарем?

- Да нет, необязательно. У меня еще корочки есть крановщика. Я на мостовом кране в Светлом тоже два года работала. А так, любая работа подойдет, лишь бы платили. Не до хорошего, раз уж жизнь не сложилась, совсем ...

И я сказал ей:

- Я могу помочь тебе с работой в нашем городе...

- А это где?

- Часа полтора-два на машине до твоего Кувандыка.

- А ты там кем работаешь?

И я соврал:

- Слесарем 5 разряда. Но у меня там друг большим начальником работает. Он найдет

тебе стоящую работу.

- Так ведь там еще где-то жить придется? Летом каникулы начнутся. Дочь с родителями в поселке побудет. А потом, осенью, нужно ведь и с жильем, и со школой для неё решать.

- Подожди две минуты!

Я зашел в купе. Этот Паша дрых на своей полке. Я достал из кармана костюма блокнот и ручку. Потом вышел к Маше и на листке из блокнота написал свой рабочий телефон.

Подав ей листок и сказал:

- Приедешь к нам в город, найдешь гостиницу возле вокзала. Зайдешь к администратору и попросишь позвонить по этому телефону. Если не разрешит, проси, чтобы она сама позвонила и передала по телефону, что к Александру Николаевичу – ко мне значит, двоюродная сестра приехала. Поняла?

- Поняла! А зачем все так сложно?

- Это чтоб потом все просто было ... с работой, значит.

Я приехал домой 22 марта днем. Жена была дома и поспешила меня обрадовать известием, что мы разведены. Я молча собрал самое необходимое и сообщил своей уже бывшей, что больше я здесь не живу, пообещав, что зайду вечером попрощаться с дочерью. Валентина заверила меня, что мои родители могут в любое время общаться с внучкой и что по желанию внучки могут раз или два в год забирать её к себе на несколько дней.

Утром 23 марта я был уже на работе, и меня встретили, как триумфатора. В течение одной недели вышел приказ о выделении мне второй по счету премии из фонда директора вместе с благодарностью за выполнение особо важного задания коммунального хозяйства комбината.

В тот день перед обедом Крылов принес мне 14 Наташиных телеграмм. Всего вместе с первой, которую я продолжал носить в костюме было уже 28 штук. А 25 марта пришла её последняя телеграмма. Больше от неё пока ничего не было.

Утром после оперативки 5 апреля секретарь Алка сообщила, что ко мне приехала двоюродная сестра из Медногорска, и что она ждет меня в гостинице.

Я тут же вызвал Юрку, позвонил Крылову, сказав, что надо встретиться, что уже еду к нему.

- Не спеши! – успокоил меня Крылов, - твою сестру я уже встретил, накормил в гостиничном кафе и поселил в 311 номере.

Я приехал, и мы встретились с Машей. Обнялись, прямо как брат с сестрой тут же в кабинете Крылова и начали разговор.

- Мы тут с твоей сестрой покалякали, и я ей сразу же предложил у себя работу.

Позавчера у меня уволилась администратор Галя Моранина. Вот, твоя сестра согласилась заполнить собой эту вакансию. Зарплата у нас конечно не «ахти», еда в кафе бесплатная. Форма рабочая форма за счет ЖКУ ну и прочая, и прочая. А всего 150 рублей в месяц на руки.

- Ой, Саша! Это же нормально, даже очень, очень нормально. То есть хорошо и даже здорово! А Иван Тимофеевич – это и есть тот большой начальник, с которым ты дружишь?

- А Пугачев был не против?

- Я ему позвонил на счет Маши. Он только хмыкнул и сказал – сам решай, твои кадры, тебе с ними и работать. Принесешь заявление – я подпишу. Маша уже и заявление написала. Я завизировал. Завтра на оперативке подпишу Пугачевым. Могу сегодня, если дашь мне Юрку сгонять в контору, а вы пока пообщаетесь?

- Юрка у входа, езжай! Может и свои какие дела заодно решишь!

- Саша! Как это у нас все быстро получилось? Иван Тимофеевич такой большой начальник и ни в чем тебе не отказывает?

- Машенька, милая! А ты что же еще не поняла, что братик твой еще больше меня – начальник у нас на работе!

- Как же так, Саша? Ты же мне сказал, что ты слесарь 5 разряда!

- Да? Посмотрите-ка на этого слесаря в дорогом костюмчике и рубашечке с галстуком? Ладно, я поехал в контору мне там еще кучу дел надо сделать. В общем Маша пусть в 311 номере располагается, а завтра с утра на двухдневную стажировку к дежурному администратору - Нине Михайловой. А потом в самостоятельное плавание ...

Когда я вспоминаю те годы, почему- то в сердце звучит песня, что пел когда-то Владимир Трошин на музыку Яна Френкеля. Правда там не совсем про молодость. А какая разница в этом плане? Молодость или юность? Все одно – чуть тронешь эту память, она и запоеет...

Юность, наша дальняя юность...

Не растает на висках седина.

Годы, вы как чуткие струны:

Только тронешь – запоеет струна.

Даже не верится, что пролетели двадцать два года, что на дворе уже октябрь две тысячи четвертого. Сколько всего прошло за это время. В мае 1982 года я получил вызов из Сатки, взял отпуск и поехал на собеседование на комбинат Магnezит. Там были готовы буквально на следующий день принять меня на работу, но квартиру пообещали лишь в течении года. Пока я раздумывал и спускался со второго этажа заводоуправления, меня догнал на лестнице случайно оказавшийся там управляющий треста «Южуралметаллургстрой» Виктор Григорьевич Диненко, так же случайно слышавший мой разговор с заместителем директора комбината. Он тут же предложил мне квартиру в Катав-Ивановске и должность начальника участка в местном строительном управлении. Я согласился, и мы уехали туда с Машей. Мы там прожили с ней 22 года. Общих детей мы с ней не нажили. Но воспитали её дочь и вырастили трех внуков. А моя родная дочь живет и работает там же откуда я уехал в 1982 году. Весной этого года Маша умерла от рака. Она была мне верным и надежным другом и помощником. И пусть у нас с ней не было того огня любви в душе, как у меня с Наташей, с Машей у нас было много счастливых дней.

И вот я оказался в том городе, откуда уехал 22 года назад. Вчера я приехал сюда на похороны Ивана Тимофеевича Крылова. Ему было 82 года. Я специально не остался ночевать у дочери и остановился в гостинице, в том самом 310 номере, который забронировал позавчера, как только получил известие о его смерти.

Здесь ничего не изменилось с тех пор. Та же скромная мебель и даже тот же самый телефонный аппарат на старенькой тумбочке.

На похоронах мы встретились с Витькой Пугачевым, обнялись, как старые друзья. Он тоже предложил мне пару дней пожить у него. Я сказал, что забронировал номер в гостинице.

- Значит тот же самый 310-й? - спросил меня Виктор, - у меня где-то даже сохранился номер телефона этого триста десятого – вспомнил Пугачев-младший. – Если что, позвоню!

- Ладно, - сказал я ему - поеду туда и буду все вспоминать ...

- Что, Наташку так и не забыл?

- Нет, буду помнить пока бьется сердце!

- Даже не знаю, как это: двадцать лет жить с одним человеком, а думать о другом?

- Двадцать два года! А как это – не знаешь и лучше об этом не знать!

И вот я в номере. Лежу на той же самой кровати и представляю её рядом с собой. Мне чудится её дыхание и даже её запах. Я помню, как мы в тот день дорвались до близости. Мы так ждали это счастье ...

Сколько я так пролежал не знаю? А может уснул. За окном было уже темно. Зазвенел телефон. Я, наверное, проснулся и страшно испугался, у меня все затряслось ... Сквозь сон я представил, что звонит она ... Трясущимися руками я снял трубку. Звонил Витька

Пугачев?

- Сань, ты не спишь?

- Нет.

- А телевизор у тебя не включен?

- Нет.

- Так включи его немедленно, дурень!

- А что случилось? Война что ли началась?

- Нет, ну ты как был ненормальный, так и остался им. Включи, говорю, не то поздно будет. Пришлось встать, найти пульт и включить телевизор.

На экране мелькнуло красивое трехэтажное здание постройки середины прошлого века. Наконец я услышал голос диктора:

- Уважаемые телезрители! Мы ведем свой репортаж с 6-го Всемирного Конгресса цыган, который состоялся 8-9 октября нынешнего года в небольшом Итальянском городке Ланчано. В нем приняли участие более 200 делегатов из 39 стран. Делегаты выбрали нового президента Международного союза цыган - Станислава Станкевича из [Польши](#) и нового президента Всемирного парламента IRU - Драгана Евремовича из [Австрии](#).

Был создан новый комитет для изучения вопросов, связанных с женщинами, семьями и детьми. Возглавила этот комитет наша с вами землячка из России и сейчас я вас с ней познакомлю. Представьтесь пожалуйста?

И я услышал тот самый голос, который я слышал в своей памяти все эти 22 года:

- Меня зовут ... и у меня словно все отнялось. Я ничего не слышал, я лишь смотрел на неё и смотрел. Боже мой! Ради этого мгновенья стоило жить. Неужели я снова вижу её и сейчас услышу её голос ...

И, наконец, я услышал, но сначала голос ведущей программы:

- А вы давно уехали из России?

- Я уехала из города ... в 1982 году.

- Вы ведь тогда были замужем?

- Да, перед самой поездкой мы с мужем разошлись.

- И теперь вы живете одна?

- Да, я живу одна ... пока.

- Пока? Значит у вас все же кто-то есть?

- Да этот человек был и есть. Он все это время жил и живет сейчас в России.

- Наталья Владимировна, вы очень и очень красивая женщина. Вам на вид не дашь и сорока лет. Почему же он медлит? На его месте любой бы другой мужчина бросил все на свете и умчался бы за вами!

- Когда еще была жива моя мама, бабушка моя, Мирэла, она всю жизнь мечтала встретиться со знаменитой на весь мир цыганской ведьмой, Уранией Босуэлл. Когда их встреча произошла Урания поведала бабушке о моей судьбе. Урания сказала тогда Миреле, что Господь разрешит мне недолгую, но умопомрачительную любовь не с цыганом, а с гаджо, и что именно этот человек и поможет мне сделать окончательный правильный выбор своего пути. И этот человек помог мне встать на тот путь, ради которого я родилась в этой жизни. Уехав из России, я сделала этот выбор и стала Шувани.

- Шувани, это и есть цыганская ведьма или колдунья.

- Шувани у цыган больше чем ведьма и колдунья у других народов. Это экстрасенс, которому подвластны все измерения, которому открыто будущее людей и стран.

- Вы стали Шувани и отвергли из своей души этого человека и его любовь?
- Настоящую любовь невозможно отвергнуть, тем более, если она взаимна. В течении месяца я отправляла ему телеграммы с одним лишь словом - «жди», а сердцем запрещала ему быть со мной. Двадцать два года он мучился страдал и пытался изменить свою судьбу. И вот, моя покойная мама не так давно приснилась мне и сообщила, что вымолила у господя нашего разрешение вернуть мне моего единственного любимого человека. Пока в его сердце еще не погасла свеча нашей любви.
- И вы что же, как-то теперь сообщите ему об этом?
- Я уже сообщила это все ему и не просто сообщила. Я его позвала...

Я все слышал и не мог поверить во все это. Слезы заливали мне лицо. Значит она тоже страдала, но не пускала меня к себе. Значит и у неё, как и у меня все это время горела и пока горит еще эта свеча?

И вот ... Я столько лет ждал этого момента. Родная моя, милая, ненаглядная! Я больше не жду ничего! Меня больше ничто не держит, и никто не остановит! Я бросаю все, бросаю и лечу к тебе, лечу ...!